

- В этом нет необходимости. Твоя искренность важнее любых подношений.

Наследный принц плотнее запахнул на себе одежду, подаренную матерью. Ткань была мягкой и теплой, но внутри него продолжал разрастаться холод. Он прекрасно понимал, что в глазах императора, который ценил лишь силу и блеск, такие подарки будут выглядеть как нежелание проявлять должное рвение.

- Ваше Высочество, уже поздно, - осторожно напомнил личный слуга, заметив, как сильно сжались кулаки принца. - Пора возвращаться в Восточный дворец.

Наследный принц не ответил. Он еще раз взглянул на освещенные окна дворца Земного Спокойствия, где всё еще горели огни, и, развернувшись, медленно зашагал прочь. В его голове, словно навязчивая мелодия, снова и снова всплывал образ Ин Фушэна, который сегодня так легко и непринужденно сумел привлечь к себе внимание вдовствующей императрицы.

«Шестой брат... - подумал он, и в его глазах отразилось недоброе предчувствие. - Ты стал слишком заметным».

- Твой отец не любит излишней роскоши. Помни: чем больше ты стараешься произвести впечатление, тем больше совершаешь ошибок.

Вероятно, и в этот раз всё произойдет точно так же.

Сейчас, когда вся страна пребывала в ликовании, празднуя великую победу, его мать всё ещё оставалась верна своему пути и, казалось, совершенно не умела приспосабливаться к меняющимся обстоятельствам и настроениям двора.

Заметив, что принц внезапно замер, слуга осторожно, почти шепотом, позвал его:

- Ваше Высочество...

- Ничего, - коротко бросил он.

В голове наследного принца, видимо, созрели иные, более прагматичные мысли. Он холодно и сухо приказал:

- Возвращаемся во дворец.

Ночью в залах дворца Милосердного Спокойствия воцарилась глубокая, почти торжественная тишина. В этот раз вдовствующая императрица Сяо проявила редкое расположение и оставила Ин Фушэна на ужин.

- После долгой болезни нужно придерживаться легкой пищи, - произнесла она, - но и мясного фарша тоже следует поесть, чтобы восстановить силы.

Ин Фушэн на мгновение замер, когда заметил, что в его чаше прибавилось еды.

Вдовствующая императрица Сяо не отличалась любовью к праздным разговорам во время трапезы, и после этой короткой фразы в комнате снова воцарилась тишина. Слуги, давно привыкшие к подобному порядку вещей, даже не шелохнулись.

Она крайне редко позволяла кому-либо остаться на ужин, и сегодня, несмотря на то что во дворце присутствовали наследный принц и восьмой принц, она не пригласила их к своему столу. Ин Фушэн, глядя на еду в своей чаше, послушно и молча ел. Годы, проведенные в фактическом заточении и забвении, научили его виртуозно читать настроение окружающих и вовремя подстраиваться под него.

Закончив ужин, Ин Фушэн медленно поднялся, чтобы с почтением откланяться, но стоило ему собраться уходить, как вдовствующая императрица Сяо окликнула его. Она не произнесла ни слова, лишь едва заметно бросила взгляд на тетушку Юй.

Вскоре тетушка Юй, мягко улыбаясь, принесла дорогую лисью шубу и бережно накинула её ему на плечи:

- На улице стало совсем холодно, берегите здоровье, Ваше Высочество.

- Благодарю, бабушка, - Ин Фушэн низко и почтительно поклонился.

Вдовствующая императрица Сяо лишь пренебрежительно отмахнулась, не желая затягивать церемонию:

- Иди отдыхай.

Вернувшись в свой боковой дворец, Ин Фушэн получил от тетушки Юй необходимые лекарства. Он понимал, что характер вдовствующей императрицы Сяо был холодным и суровым, и она привыкла относиться ко всем принцам с одинаковой дистанцией. Если в её сердце и жила какая-то привязанность, то она была направлена на наследного принца. Однако была ли эта привязанность искренней или же она была лишь обусловлена его высоким статусом - оставался вопрос спорный. Одно, однако, было совершенно ясно: она глубоко презирала людей, склонных к интригам, лицемерию или мелким, грязным хитростям.

Сегодняшнее смягчение, возможно, стало тем самым хорошим началом, которое ему было необходимо.

- Ваше Высочество, - почтительно доложил слуга дворца Милосердного Спокойствия, - из дворца Бесконечной Радости прислали кое-какие вещи для вас.

В те тяжелые дни, когда Ин Фушэн был серьезно болен, дворец Бесконечной Радости постоянно присылал людей с гостинцами и лекарствами, но из-за жесткой позиции администрации дворца Милосердного Спокойствия их настойчиво не пускали внутрь. Тот факт, что сегодня кого-то всё же впустили, означал лишь одно: вдовствующая императрица Сяо дала свое разрешение. Вероятно, история с укрощением сокола действительно произвела на неё благоприятное впечатление.

Среди присланного обнаружили редкие лекарственные травы и всяческие изящные безделушки.

Замысел наложницы Нин был очевиден с первого взгляда: она хотела смягчить сердце сына, чтобы через него изменить отношение вдовствующей императрицы Сяо к себе и своему положению. Ин Фушэн задумался, глядя на вещи, и тихо спросил:

- Как там матушка?

Слуга, видя, что шестой принц проявляет интерес и разговаривает с ним, поспешно ответил,

строго следуя наставлениям наложницы Нин:

- Наложница Нин бесконечно скучает по вам и очень, очень беспокоится о вашем здоровье, Ваше Высочество.

Ин Фушэн продолжал задавать уточняющие вопросы, а слуга, стремясь максимально сгладить ситуацию и создать нужный образ, выкладывал почти всё, что знал:

- Наложница Нин в эти дни почти не ест и не пьет, она ежедневно читает молитвы, искренне моля небеса о вашем скорейшем и полном выздоровлении.

Правда ли это? Ин Фушэн слушал эти слова с подчеркнутым интересом.

Слуга, ошибочно полагая, что шестой принц действительно глубоко обеспокоен состоянием наложницы Нин, с жаром и надрывом расписывал, как сильно она страдает от разлуки.

За несколько минут разговора Ин Фушэн окончательно убедился в безопасности Сунъаня, и на душе у него стало значительно легче. Перед тем как отправиться во дворец Милосердного Спокойствия, он строго приказал Сунъаню не высовываться и не привлекать к себе внимания. Наложница Нин сейчас находилась в центре внимания, и суровое, публичное наказание слуг в этот период противоречило бы её новому имиджу страдающей и добродетельной матери, поэтому Сунъань, скорее всего, был в полном порядке.

Узнав, что его верный помощник в безопасности, Ин Фушэн внутренне смягчился.

Слуга из дворца Бесконечной Радости продолжал усердно выстраивать образ любящей и тоскующей по сыну матери, пока у него просто не закончились слова. Вскоре слуга дворца Милосердного Спокойствия, заметив легкую усталость на лице шестого принца, деликатно напомнил ему об этом.

Видя, что шестой принц стал более податливым и, кажется, принял слова наложницы Нин за истину, слуга, считая свое поручение выполненным, поспешил уйти, зная, что нельзя мешать законному отдыху принца.

- Прошу, окажите мне одну небольшую услугу, - произнес Ин Фушэн, когда слуга уже собирался покинуть комнату.

Слуга тут же обернулся и ответил:

- Слушаю вас, Ваше Высочество.

- Я долго болел, и бабушка искренне беспокоилась обо мне. Совсем скоро её день рождения, и я, как внук, должен проявить должную сыновнюю почтительность, - Ин Фушэн смущенно и скромно опустил глаза. - Я слышал, что горный храм в пригороде столицы обладает чудодейственной силой и исполняет желания. Хочу попросить вас съездить туда от моего имени, чтобы помолиться за здоровье бабушки.

Слуга, видя искренность и благочестие шестого принца, с легкостью согласился:

- Ваше Высочество так искренни в своих чувствах, это пустяковое дело. Я немедленно передам всё тетушке Юй. Есть ли у вас еще какие-либо поручения?

Ин Фушэн немного помедлил, подбирая слова:

- Есть еще одно дело. У меня был личный слуга, который служил мне ранее... можно ли вызвать его сюда, во дворец Милосердного Спокойствия?

Слуга, будучи тронутым вежливостью и мягкостью принца, пообещал:

- Я всё устрою, Ваше Высочество.

Когда за ним закрылась дверь, в зале воцарилась глубокая, почти осязаемая тишина.

В этот миг на Ин Фушэна разом навалилась свинцовая усталость, скопившаяся за последние дни. Он медленно коснулся пальцами мягкого меха лисьей шубы. Ткань приносила непривычное, обволакивающее тепло, которого ему так долго не хватало в холодных стенах его собственного дворца. Судя по всему, эта вещь когда-то принадлежала кому-то из других принцев: шуба была ему немного велика, а в изысканных швах поблескивали тончайшие золотые и серебряные нити, свидетельствующие о высоком статусе владельца.

Он задумчиво погладил воротник, и его взгляд стал отсутствующим, погружаясь в пучину воспоминаний о будущем.

В его памяти всё ещё жила та горькая истина: в грядущих годах вдовствующая императрица Сяо умрёт от тяжёлой, изнуряющей болезни. После её ухода, когда во дворце больше не останется никого, кто мог бы присматривать за порядком и сдерживать амбиции, вся власть в гареме перейдёт в руки императрицы Сюй. Однако та была слишком холодна и отстранённа, она почти не интересовалась внутренними делами, из-за чего в гареме воцарится настоящий хаос. Наложницы начнут плести всё более изощрённые интриги, а многие придворные, почуввав слабость, станут засылать своих шпионов повсюду, особенно стараясь подобраться к отцу-императору. Именно эта атмосфера раздора и предательства заложит прочный фундамент для последующего кровавого дворцового переворота.

Но всё это было делом будущих лет, далёким и ещё не случившимся.

Та болезнь пришла внезапно и так же стремительно отступила, оставив после себя лишь пустоту. Лицо бабушки в его воспоминаниях уже начало размываться, теряя четкость.

- День рождения... - едва слышно пробормотал Ин Фушэн, глядя в пустоту. - Это действительно радостное событие.

Теперь ему нужно было тщательно подготовить подарок. В такой ситуации нельзя было позволить себе даже малейшей оплошности.

Он прекрасно понимал, что наложница Нин не станет заботиться о подарке заранее. Более того, она, скорее всего, даже не хотела, чтобы Ин Фушэн вообще появлялся на этом празднике, предпочитая оставить его в тени. Но теперь, когда он неожиданно привлёк к себе благосклонное внимание вдовствующей императрицы Сяо, коварный план наложницы Нин потерпел крах, и теперь она лишь отчаянно пыталась смягчить ситуацию, прикрываясь маской материнской любви.

Однако для Ин Фушэна всё было иначе. Он слишком хорошо знал, насколько критически важен этот праздник в долгосрочной перспективе.

Раз уж он решил действовать постепенно, шаг за шагом, он не имел права терять бдительность ни на секунду.

Слуги дворца Милосердного Спокойствия работали быстро и слаженно, и к тому моменту, когда Сунъань наконец прибыл, всё необходимое уже было подготовлено.

- Тебя не наказали? - тихо спросил Ин Фушэн, едва увидев своего верного слугу.

Сунъань на мгновение замер, глядя на своего господина, и медленно покачал головой.

Все эти дни он беспрекословно следовал тайным указаниям Ин Фушэна, стараясь быть максимально незаметным и всячески избегать наложницы Нин.

Поначалу он не совсем понимал глубокий смысл этих распоряжений, но всё прояснилось после того, как наложница Нин вернулась из дворца Милосердного Спокойствия. Те слуги, что по приказу шестого принца занимались делами в павильоне Любования Луной, были жестоко наказаны за якобы проявленную «небрежность к здоровью шестого принца». Они, наивно ожидая щедрой награды за возвращение своей госпожи, вместо этого получили лишь болезненные удары палками.

Оказывается, принц знал о каждом их шаге, о каждой мелкой интриге...

Ин Фушэн коснулся пальцами бумаги и кисти, которые принесли слуги. В его прежних, холодных и заброшенных дворцах подобных качественных вещей практически не было.

- Жажда славы... когда все вокруг слепо гонятся за заслугами, она иногда превращается в самую опасную приманку, - задумчиво произнёс Ин Фушэн. - И видеть, как люди пожинают плоды собственных ошибок - пожалуй, это лучшее зрелище.

Сунъань замер, затаив дыхание. Он почувствовал, что сейчас принц говорит с ним предельно серьёзно, открывая часть своей истинной природы.

- Растирай тушь, - приказал Ин Фушэн, возвращаясь к реальности.

Сунъань поспешно подошёл к столу, но, едва взяв в руки брусок туши, услышал предостережение:

- Это лучшая императорская тушь, используй её экономно.

От этого замечания слуга занервничал, его рука дрогнула, и он нажал на брусок слишком

сильно.

- Я... я не очень умею, - смущённо пробормотал Сунъань, чувствуя свою неуклюжесть.

Ин Фушэн посмотрел на его неловкие движения, заметив, насколько Сунъань всё ещё молод и неопытен. Вздохнув, он мягко сказал:

- Дай сюда, я научу тебя.

Ин Фушэн опустил глаза, бережно и уверенно держа тушь в руках, демонстрируя правильный ритм движений.

- Хорошая вещь, её нужно беречь, - добавил он.

- Ваше Высочество, в будущем вас обязательно ждёт множество великих наград! - поспешно и с искренним восторгом воскликнул Сунъань.

Наград? - Ин Фушэн внутренне усмехнулся. - Или чашу с ядом?

Он улыбнулся, на мгновение позволив себе расслабиться:

- Ты прав.

Однако он понимал: всё то, чего он действительно хочет достичь, он должен будет добыть самостоятельно, полагаясь только на свои силы.

Сунъань оказался способным учеником и быстро схватывал всё на лету. Ин Фушэн наблюдал за его движениями, за тем, как ложится тушь на бумагу, но холод, поселившийся глубоко внутри него, так и не уходил.

До возвращения императора оставалось всего десять дней. Времени почти не было.

В последующие дни Ин Фушэн безукоризненно соблюдал все правила дворцового этикета и

ежедневно, без пропусков, приходил к вдовствующей императрице Сяо. Наложница Нин несколько раз посылала своих людей, пытаясь выведать обстановку и понять, что происходит между сыном и бабушкой, но Ин Фушэн хранил молчание, а вдовствующая императрица Сяо попросту не обращала на этих гонцов никакого внимания.

Наложница Нин в ярости бесновалась в своих покоях, метала громы и молнии, но из-за созданного ею же имиджа добродетельной и страдающей матери она не могла открыто выразить свой гнев.

Ин Фушэн говорил мало, всегда был предельно почтителен, низко кланялся и ни в коем случае не докучал своей компанией. Вдовствующей императрице Сяо такое сдержанное и уважительное поведение внука очень нравилось.

Тем временем подготовка к грандиозному пиру в павильоне Любования Луной шла полным ходом. В гареме, после скандала с наложницей Нин, всё ещё царило тяжёлое, гнетущее напряжение, пока однажды не пришло срочное, экстренное донесение!

Снег наконец прекратился. Вдалеке, у самых пригородов столицы, показались бесконечные ряды войск. Под оглушительный грохот тысяч копыт в небе развевались величественные боевые знамена.

Жители города, услышав этот шум, высыпали на улицы и увидели, как среди легионов триумфально возвращается император.